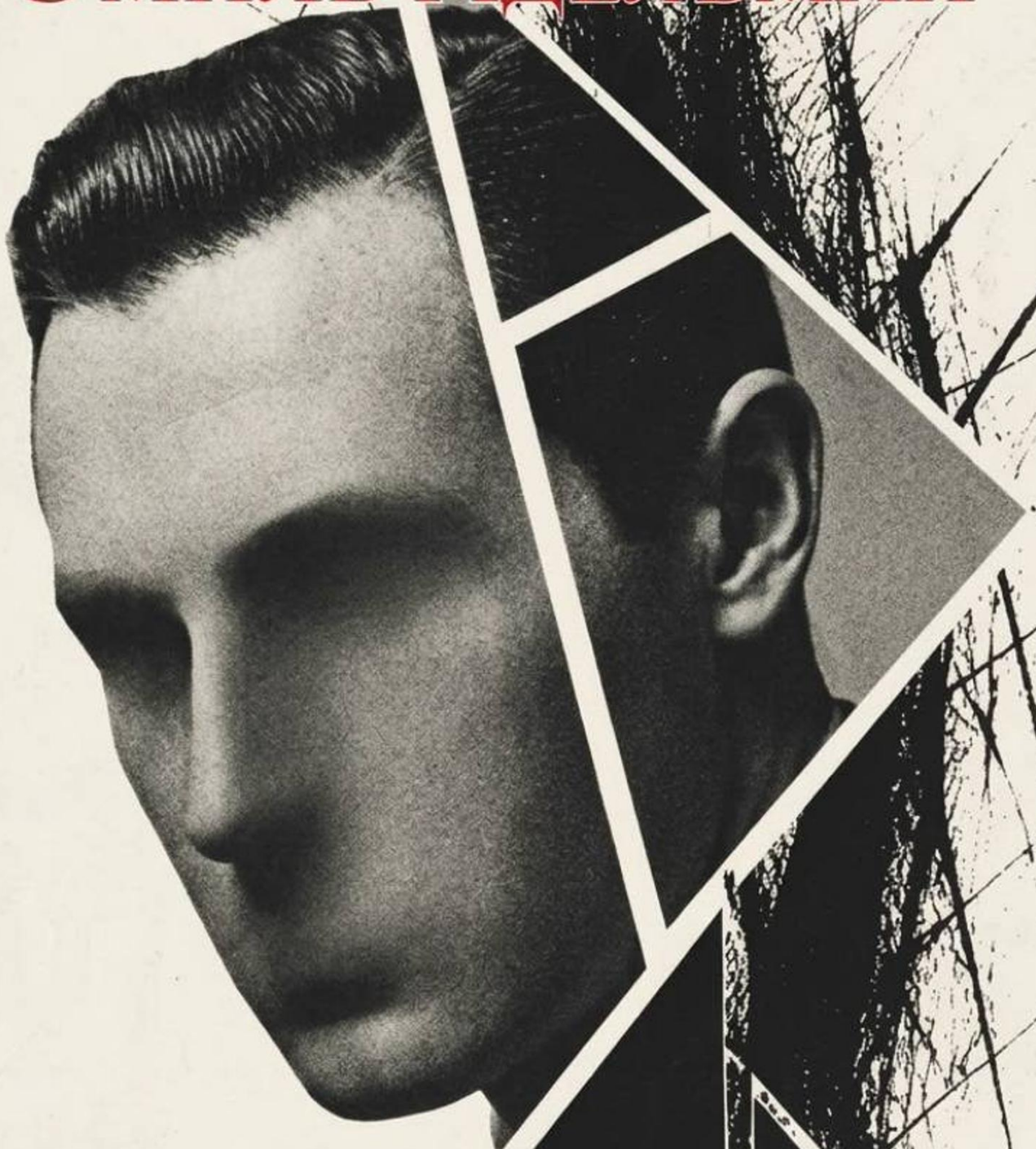
Эмиль Адельман

ШЕСТИГРАННИК

ЧАСТЬ II

18+

ШЕСТИГРАННИК

Эмиль Адельман

Шестигранник. Часть II

«Автор»
2026

Адельман Э.

Шестигранник. Часть II / Э. Адельман — «Автор», 2026 — (ШЕСТИГРАННИК)

Шесть граней пройдены. В первой части вы собирали мозаику из разных эпох и жизней. Теперь пришло время увидеть картину целиком.Герои больше не оторваны друг от друга, последствия их решений намертво стягиваются в одну временную петлю. Одному предстоит интеллектуальное противостояние с безжалостной системой из прошлого. Другому стать хранителем тайн невидимого кордона. А кому-то и вовсе, пытаться обогнать надвигающийся коллапс, доверив свою жизнь загадочному многотонному артефакту.Вторая книга раскроет логику этих событий. Вы заглянете глубже, в попытке найти ответ на вопрос: кто, или что переписывает историю, и какую цену за это пришлось заплатить. У вас больше нет выбора, с какой главы начать.Механизм запущен.

© Адельман Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
Глава 7. Ржавый рассвет 6
Глава 8. Темная, темная ночь 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Эмиль Адельман
Шестигранник. Часть II

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приветствую, Исследователь!

Ты уже понял правила этой игры, когда бросал кость и собирал грани первого кубика. Но теперь нам предстоит перейти на другой уровень. В саму механику процесса.

Мы все привыкли к устоявшейся схеме: события прошлого формируют настоящее, а наши сегодняшние шаги отливают в бетоне день завтрашний. Причина всегда строго идет впереди следствия. Это фундамент, на котором держится наш быт, наша история и здравый смысл.

А теперь представим, что этот фундамент – лишь иллюзия.

Что, если будущее не просто пассивно ждет своего часа, а обладает достаточной силой, чтобы вносить правки в прошлое? Могут ли расходящиеся по воде круги заставить человека бросить камень, чтобы получить шанс на существование?

Физики могут исписать сотни досок формулами, споря о природе пространства и времени. Но если отбросить сложные уравнения, останется простой вопрос: где находится грань, определяющая точку отсчета?

Во второй части этой истории разрозненные судьбы сожмутся в одну точку. Нам предстоит посмотреть, как чужое, еще не наступившее для нас будущее безжалостно редактирует прошлое.

Время больше не прямая река, по которой можно только плыть по течению. Это чертеж. И самое страшное в нем – однажды узнать, чья именно рука сейчас держит карандаш.

Переворачивай страницу. **Механизм запущен.**

Глава 7. Ржавый рассвет

Воздух наполнился запахом озона и карболита, на мгновенье показалось, что лопасти чуть замедлились. Резкая волна горячего и сухого воздуха ударила в грудь. Кабина вертолета затряслась, пол стал уходить из-под ног, а вещи поднялись на уровень груди.

Сергей скомандовал в интерком: – Держитесь, падаем! – и накинул на себя ремень, одной рукой держась за кресло.

Пилот тут же ответил: – Нет, не падаем, идем на той же скорости и высоте.

Только он договорил, как вторая волна с новой силой сдавила грудь и отозвалась в ушах низким гулом.

Пространство в кабине словно растянулось, металл потерял свою жесткость и будто превратился в пластилин. Гул сменился шипением, когда даже пилот перестал ощущать вес собственного тела.

Пассажиры словно пребывали одновременно в разных вселенных: Никита Семенович, вцепившись в кресло обеими руками, в панике озирался по сторонам, его глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Сергей, напротив, нашел спасение в темноте – он закрыл глаза и намертво сцепил пальцы на ремнях. И лишь Вениамин находился в прострации: не моргая смотрел в одну точку, словно завис и парил в двадцати сантиметрах над креслом.

В момент, когда вертолет на три секунды погрузился в абсолютную черноту, рев винта и гул двигателя вытеснила тишина. Она навалилась такой тяжестью, что барабанные перепонки, выгибаясь наружу под напором собственной крови, готовы были лопнуть от ужасно громкого звука биения сердца. Воздух из кабины высосал невидимый насос – грудную клетку распирало изнутри, остатки кислорода со свистом рвались наружу. В глазах, в носу, во рту закололо – влага моментально начала закипать. Сама чернота казалась осязаемой, высасывающей разум. Секунды казались вечностью. Каждый удар сердца ощущался целой эпохой. Стерлась грань между верхом и низом. «До» и «после» перестали существовать, оставалось лишь вытянутое в бесконечность «никогда».

И когда секундная стрелка наручных часов «Амфибия» Вениамина качнулась в третий раз – всё резко вернулось: и свет, и звук, и воздух, и ощущение тяжести собственного тела. Сквозь лобовое стекло внезапно ударил резкий утренний свет – еще три секунды назад за бортом была глухая ночь.

Вещи рухнули на пол, а пространство кабины вернулось в свое прежнее состояние. Вениамин упал на сиденье, ударившись затылком. Сознание он от этого не потерял, оно уже было где-то далеко и вот-вот должно было вернуться.

Пилот сообщил: – Все в порядке, турбина исправна, мы будем садиться.

Тяжелая машина вывалилась из низкой облачности прямо над посадочной полосой, не оставив местным радарам ПВО ни секунды на перехват.

Сергей отстегнул ремни, подошел к Вениамину и усадил его. Тот сразу захрапел. Пара шлепков по щекам привела его в чувство, но он сидел все с тем же отсутствующим взглядом.

Никита Семёнович отпустил кресло и часто дышал, не вставая со своего места.

Пилот начал снижение, разрезая лопастями облака. На мгновение ему показалось, что земля внизу проявляется словно в компьютерной игре – постепенно прорисовываются детали, чем ближе к поверхности, тем лучше текстура.

– Туман, должно быть, – логичное умозаключение родилось в его голове.

Они сели довольно мягко, пилот заглушил двигатель. Огромные лопасти постепенно снижали обороты, и характерный «шлеп» становился все медленнее, пока совсем не затих.

Сергей вышел из кабины первым и увидел военных, которые бежали к ним с карабинами в руках.

– Стоять, руки вверх! – скомандовал молодой парень в форме Советской армии. Сергей не сопротивлялся. Двое повалили его на землю лицом вниз, третий держал на прицеле. – Все вышли из машины! Быстро! – крикнул он в сторону вертолета.

Пилот открыл свою дверь и медленно спустился с поднятыми руками. Следом за ним послушно вышел Никита Семёнович.

– А ты чего ждешь? Особого приглашения? Быстро вышел! – рявкнул четвертый солдат и взвел затвор карабина. – Самойлов, Сацко, быстро его сюда! – скомандовал он подбежавшим срочникам.

Они вбежали в кабину. Пока один держал оружие наготове, второй с размаху ударил Вениамина по челюсти. Тот упал навзничь, глаза закатывались, но его взгляд, угасая, был на чем-то очень сосредоточен. Когда веки сомкнулись, что-то резко изменилось. Лежащий в коробе квантовый компьютер с КМА издал короткий «шмяк». Если бы человеческий взгляд мог уловить момент подобно мухе, то все в округе заметили бы вспышку темноты, рухнувшую сверху. Но вместо этого солдаты и их пленники ощутили лишь короткий толчок в грудь, словно от очень мощного, неуловимого слухом звука.

– Четверых захватили! Вместе с вертолетом, какой-то неизвестный, большой, с русскими буквами на хвосте, но коды не наши. Кто такие, не знаем, поместили в камеру. У одного было оружие – пистолет неизвестной системы, калибр похож на Макаров, только гильза длиннее и восемнадцать патронов в магазине. Остальные безоружны, не сознаются, откуда. Говорят на чистом русском без акцента, но одеты не по-советски, а на западный манер. Прошу направить конвой особого отдела, – рапортовал командир военного аэродрома под Москвой.

Это было раннее утро, нежданные гости нарушили покой военных. Солдаты решили, что это проверка боеготовности, учения, и делали все строго по инструкциям, а потому были уверены в том, что их как минимум не накажут, а как максимум поощрят.

Но всё пошло не по тому сценарию, который они себе представляли.

Конвой приехал большой группой, и всех шестерых караульных поместили под стражу вместе с незваными гостями. Их ждала дорога в особый отдел в столице и долгий изнуряющий допрос.

Пленников же решили оставить на базе, изолировав каждого в одиночной камере для допроса на месте.

Трое верили в то, что говорили, но их рассказы выглядели уж очень складной ложью, а поддельные документы походили на качественную бутафорию. Что до четвертого, так он находился в коме два дня: зрачки не реагировали на свет, но пульс и давление оставались в норме, похоже было на то, что он просто очень крепко спит. Всё это время его держали на поддерживающих капельницах.

Сергею всё казалось картонным и ненастоящим: солдаты, их манера общения, да даже отдельные фразы напоминали какой-то выхолощенный советский фильм или театральную постановку. Ну не могут же живые люди так разговаривать? Он понимал, что произошел неординарный случай, и подозревал, что виной всему тот аппарат и ученые, которых он сопровождал. Его история была короткой: я сопровождал людей из пункта А в пункт Б, я офицер, мое удостоверение у вас, я понятия не имею, почему и как тут оказался. Ученые вам могут больше рассказать, а я человек простой, моя задача – следить за безопасностью.

Никита Семенович старался быть максимально полезным. Он без умолку говорил, рассказал, кто он и откуда, как оказался на вертолете и куда летел, какое оборудование они перевозили и для кого. Но его слова ни подтвердить, ни опровергнуть никто не мог: пилот и Сергей не знали всех деталей, занимаясь лишь транспортировкой, а Вениамин был недоступен для допросов.

Оборудование в вертолете тоже знатно тряхнуло, поэтому оно никак не могло подтвердить слова Никиты Семеновича на деле. Тем не менее, контейнер забрали специалисты для изучения.

Тем временем, лежа на жестких нарах камеры гауптвахты, Вениамин открыл глаза. Руки и ноги были намертво стянуты ремнями, из вены на сгибе локтя торчала система, уходящая вверх в стеклянную цилиндрическую бутылку, закрытую плотной серой пробкой. На приклеенной к стеклу бумажке со своего ракурса он смог разглядеть надпись, сделанную от руки фиолетовыми чернилами: «Главное аптечное… Аптека госпиталя…РАСТВОР ГЛЮ.. 5%… ДЛЯ ВНУТРИВ… С Т Е Р И Л Ь…Объем: 250 мл, 05.1960». Он видел банку в перевернутом виде, но чтобы понять суть текста, много ума не требовалось.

Он не дергался и не кричал, лишь обвел камеру взглядом. Внутренние датчики подтвердили догадку – несколько дней его поддерживали капельницы. Голова раскалывалась, в ушах стоял шум. Челюсть опухла и ныла, но перелома, судя по всему, не было.

– Воды! – хриплый голос вырвался из губ, но потерялся в стенах комнаты. Он сглотнул и повторил еще раз, громче и увереннее.

Дверь открыл санитар. Он молча проверил капельницу, подошел к раковине и набрал неполный стакан воды. Приподняв пленнику голову левой рукой, правой поднес к его губам стакан, дав глотнуть ровно столько, чтобы слегка промочить горло. Вениамин не спорил – больше сейчас нельзя. Санитар убрал стакан и, глядя на свои наручные часы, обхватил запястье Вениамина. Затем вынул иглу из вены, приложил ватку, зафиксировал её пластырем и молча вышел.

Примерно через час он вернулся, дал сделать еще глоток, а затем уходил и возвращался с водой несколько раз. Позже пришел другой человек в белом халате. В руках он держал стальной поднос с двумя стаканами: в одном – янтарного цвета чай, во втором – мутная розовая жижа. Второй медработник оказался разговорчивее.

– Ну как Вы, Вениамин Петрович? – с мягким вологодским оканьем начал он, изобразив заботливую улыбку.

– Где я? Что случилось? – Вениамин имитировал растерянность и страх – эмоции, которые от него ожидал гладко выбритый мужчина лет сорока пяти. Голос его дрожал, а взгляд то и дело задерживался на шариковой ручке в халате врача. Это было не только игрой, но и фиксацией на аномалии. В начале шестидесятых таких ручек не было. Ручка фирмы Bic, вероятно, была изъята у кого-то из их группы. Настоящий оперативник не стал бы таскать вещдок в кармане просто так: он намеренно выставил ее напоказ, используя как приманку-триггер для проверки реакции очнувшегося «диверсанта».

Вошел санитар, снял стягивающие ремни и подложил Вениамину вторую подушку, помогая лечь полусидя. Этот точно не простой санитар. Татуировка чайки над волной и пятиконечная звезда, мелькнувшие под халатом, когда он нагнулся, выдавали бывшего моряка.

Но часть здесь совсем не морская. Внутренние газоанализаторы симбиотического организма, считывая сквозняк из приоткрытой форточки, мгновенно раскладывали воздух на примеси: отсутствие диметилсульфида, зато среди запахов хлорки, едкого керосина и торфа четко фиксировался след тетраэтилсвинца. А значит – Подмосковье, военный аэродром.

Доброжелательный врач пододвинул стакан чая.

– Вот, товарищ, чай с сахарком, попейте и берегите силы.

Он придвинул поднос ближе. Вениамин взял стакан, сделал пару глотков и закашлялся, выплеснув немного жидкости на пахнущий хлоркой пододеяльник. Затем продолжил пить медленнее.

Врач наблюдал, уверенный, что полностью контролирует ситуацию. Однако он не представлял, что уже играет не по своим правилам. Он был кадровым работником КГБ, как и санитар, и цель его состояла не столько в лечении пациента, сколько в игре в доброго следователя.

– Вот, молодец, а теперь киселечка пару глотков.

– Не могу, боюсь, стошнит, чай еще не улегся.

– Ну хорошо, оставлю стакан на тележке, обязательно попейте позже, – врач сменил улыбку на притворную гримасу озабоченности. Он поставил стакан киселя, придвинул тележку к левой руке пациента, после чего забрал поднос и вышел из камеры.

Вениамин закрыл глаза и заснул в той же позе. Врач, глядя через смотровое окно, постоял пару минут и тихо ушел.

Картина в голове пациента сложилась. Вариантов действий было немного, и ни один не сработал бы, пока он не узнает, что уже рассказал им начальник. С вероятностью в девяносто пять процентов он давно уже во всем сознался, чем только усугубил ситуацию. Пилот и Сергей, напротив, с той же долей вероятности вели себя значительно сдержаннее.

[Сверка данных: субъект «Павел Степанович» на борту отсутствует. Идентификация: фантомный артефакт первого аплинка. Бывший водитель НИИ, уволенный в первый год работы носителя, продавший ему старый Hyundai Accent. Интегрирован алгоритмом в память как проекция базовой безопасности].

Одно хорошо – по протоколам безопасности на борту не было мобильных телефонов, они остались в НИИ.

На данном этапе задача одна – выжить. Глюкоза из чая уже заканчивалась, но пить кисель сейчас еще нельзя, сон – лучшее решение. Он понимал, что в худшем случае окончит жизнь в психиатрической лечебнице вместе с начальником. Что до других спутников – их время идет на часы.

В это же время в соседней камере Никита Семенович, услышав, что его лучший работник скончался не приходя в сознание, сидел и слушал песню из кинофильма «Золушка» из хрипящего динамика радиолы. Его сердце пятидесятилетнего курильщика со стажем, несмотря на внешнее воздействие, билось хоть и быстро, но ровно, пока кровь в его венах медленно разбавлял амилобарбитал.

Препарат размывал границы между «тогда» и «сейчас», но прямо перед тем, как окончательно сдать позиции, разум Гордеева выдал короткую вспышку трезвости. Он ведь до последнего мгновения искренне считал себя безгрешным исполнителем. Человеком системы. Идеальным винтиком, которого ведомство завербовало и поставило курировать НИИ. Он сам парафировал секретные документы, прекрасно понимая, что никакой это не «медицинский корректировщик». Его ведомство создавало идеальный инструмент для получения сведений – прибор, способный взламывать и потрошить память, чтобы у подследственного не оставалось ни выбора, ни воспоминаний о сканировании.

Какая злая ирония – теперь он сам стал объектом допроса, а его волю по капле ломали допотопным, варварским способом из прошлого века, мутной жижей из стеклянной бутылки. В этой вспышке озарения Никита Семенович вдруг увидел то, что не мог разглядеть за все годы верной службы. Самое изощренное, сладкое утешение для человека системы – это убедить себя, будто выбора никогда не было. Он долгие годы прятался за гербовыми печатями, слепыми подписями на актах и удобной ширмой «приказа сверху», забывая главное: именно его рука ставила эту подпись.

А сейчас, когда папка его жизни будет окончательно списана в архив за ненадобностью, станет совершенно не важно, что он думал и как оправдывался после. Никита Семенович понимал, что свой выбор он сделал не тогда, когда сел полный гордости в вертолет, а когда согласился на эту работу.

Но это короткое прозрение, пролетевшее как метеор, так же быстро угасло. Тревога постепенно отступала, ремни, которыми он был привязан к креслу, давили всё меньше, а взгляд становился безразличным.

– Ну что же вы, в самом деле, зачем эти ремни? – Никита Семенович пытался говорить отчетливо, но язык обмяк, превращая слова в вязкую кашу. – Я же не буйствовал, а просто паниковал, мне казалось, что меня ведут не сюда, а на расстрел, понимаете? … – с каждым словом голос становился всё медленнее.

– Понимаю, прекрасно вас понимаю! – Вологодский врач кивал, изображая озабоченность.

– Я же говорил правду, зачем мне врать? Мы делаем общее дело. – Глаза Никиты Семеновича закатились, и он откинул голову назад. Всхрапнув, он поднял голову и обвел комнату мутным взглядом. – Это всё очень серьезно, я-ааа, я… – стараясь вернуть речи четкость, он слегка прикусил язык. – Понимаю, всё понимаю, но и вы меня поймите… – его взгляд застыл на обуви врача.

– Все в порядке, не спешите, продолжайте.

– Да, я… мы, мы же успели в срок и КМА был полностью готов, клянусь! Когда мы вылетали, он был исправен, – пытался на одном дыхании произнести несчастный.

– Да вы не волнуйтесь, в самом деле. Я же не за этим пришел, мы вводим вам лекарство, должно стать лучше. Но если хотите выговориться, то ладно.

– Я вам обещаю, Вениамин всё починит, он умница, – начальник не слышал речи врача и продолжал свой медленный рассказ.

– Он мертв. Ваш лаборант погиб, сожалею, – твердо сказал мужчина в халате.

– Ах да, эх, Веня, Веня… – Никита Семенович начал очень медленно моргать и заснул, уронив подбородок на грудь.

Резкий запах нашатыря привел его в чувство. Врач остановил капельницу.

– Ну как вы себя чувствуете?

– Я сам не ученый, понимаете? Меня ваше ведомство поставило на должность… Я человек системы, мы делаем общее де-е-ло. – В этот раз он не заснул, а, проморгавшись, продолжил: – Я бы рад починить сам, но попросту не знаю как, коллега.

По своей природной ненаблюдательности Никита Семенович действительно не понимал, что находится в иной временной линии, искренне веря, что это лишь недопонимание со стороны спецслужб из его времени, а может, месть за то, что аппарат был доставлен поврежденным.

– Как по-вашему, где вы находитесь?

– Там, куда мы и летели – в ФКПБ Нейро… – начальник тяжело сглотнул, пытаясь протолкнуть застрявшую в горле слюну, и с трудом вытолкнул окончание: – …биолог. Позвоните моему куратору на Лубянку. Никонову Павлу Дмитричу, он подтвердит…

– Простите, нейробиолог? Верно я услышал?

– Да, верно. – Кажется, речь его становилась более спокойной.

– А Никонов, он кто?

– Куратор моего НИИ, я ведь ваш человек, понимаете? Я же невыездной, верно? Я же под присягой…

– Ладно, хорошо. А вот другие двое, они кто?

– Из вашего ведомства, наверное. Мы не были знакомы до недавнего времени, они прилетели, забрали нас с КМА… И мы летели к вам, но я ни в чем не виноват! Случилась какая-то гроза, или ураган, мы чуть не упали. Пилот не виноват, просто роковая случайность.

– А вот этот ваш КМА, вы говорите? Что это такое?

– Официально – корректировщик мозговых активностей, но вы же сами знаете, для чего мы его создавали. Если бы мы его починили, вы бы подключили его ко мне и остальным и сами прочли нас как открытую книгу.

– И вы считаете, что аппарат работал?

– Да, и по этой причине после моего доклада был вызван спецборт, мы полетели в чем были, срочно, – он говорил не спеша, глядя в пол, спокойно дыша.

– То есть аппарат позволял читать мысли, вы это хотите сказать?

– Да! Именно это было в ТЗ. Правда, это второе назначение, а кроме этого аппарат должен был использоваться в медицине, воздействуя на поврежденные зоны мозга, проверяя в режиме реального времени действие волн…

– А рабочая документация? Где она?

– Документация была направлена спецсвязью до нашего полета…

– Кто был вашим связным с ЦРУ?

– ЦРУу? – удивляясь, но всё так же глядя в пол, Никита Семенович уточнил: – Ну что вы, какое ЦРУ, я же был под постоянным контролем, и даже если бы захотел, а я патриот, то физически бы не смог установить контакты.

– Откуда у вас это? – Врач держал в правой руке шариковую ручку фирмы Bic.

– Это моя письменная ручка, обычный шариковый стержень, нам выдают их в канцелярии, – без тени сомнения рапортовал пленник.

– В канцелярии SDECE (из его уст это звучало как «СДЭК»)?

– Нет, зачем СДЭК, это же не посылка…

– А часто вы получаете посылки от СДЭК?

– Да постоянно, удобнее, чем Почта России, надежнее, быстрее…

– Где был ваш связной СДЭК?

– Пункт выдачи? Рядом с домом, да и недалеко от нашего НИИ.

– Можете дать контакты вашего связного?

– Связного? Я не знаю, о чем вы говорите, на пунктах выдачи разные люди работают, не знаю имен, не запоминаю.

– Вы передали техническую документацию в СДЭК?

– Нет, ну что вы, нам запрещено отправлять секретные документы через любые службы доставки, кроме фельдъегерей.

– Тем не менее вы получали инструкции и контрабанду из Франции, верно?

– Франции? О чем вы говорите?

– Я говорю о Службе внешней документации и контрразведки Франции, сокращенно СДЭК.

– О нет, – легко рассмеявшись, Никита Семенович уточнил, – СДЭК, ну служба доставки грузов по всей России и СНГ, ну вы же знаете, о чем я говорю…

– Как ваше полное имя?

– Гордеев Никита Семенович.

– Дата рождения?

– 30 марта 1981 года.

– 1891? 1918?

– Нет, 1981…

– Вы употребляли сильнодействующие лекарства? Наркотики.

– Нет, я практически не пью алкоголь, только на Новый год бокал шампанского.

– Шампанского? Французского?

– Нет, обычно это ДЗИВ.

– Вы состоите на учете у психиатра?

– Ну нет, конечно же, нет.

– Травмы головы были?

– Да, в детстве. Я упал с горки и потерял сознание, очнулся в больнице под капельницей.

– Какая это была больница?

– Восемнадцатая, городская.

– В каком городе?
– В Уфе.
– В каком году это было?
– 1995.
– 1935?
– Нет.
– Вы состоите в партии?
– Да, членский билет номер тысяча семьсот шестьдесят пять.
– Коммунистическая партия СССР?
– СССР? Он распался, когда мне было десять лет.
– В 1900 каком году? 1928?
– По-моему, в 1991 или 1992, не помню.
– Какое у вас образование?
– Высшее.
– Что вы окончили и когда?
– БАГСУ, в две тысячи шестом.
– Специальность?
– Государственное и муниципальное управление.
– Вы служили в армии?
– Да, два года с июня 1999 по июль 2001, военная часть 63494 Алкино-2, демобилизация в звании старшины.
– Два года???
– Да, ровно…
– Женаты? Дети есть?
– Жена Мария Геннадьевна, 1990 года рождения, сын Виталий 2015 года рождения, – скорость речи Никиты Семеновича приходила в норму.
– Место работы?
– НИИ ФГУП Медтехприбор.
– Должность?
– Директор конструкторского бюро.

Врач не делал пометок, их беседа походила для Никиты Семеновича на праздный интерес медицинского работника. Однако магнитофонная запись фиксировала каждый его ответ. Позже в Москве её будет слушать целый консилиум следователей и психиатров, по результатам которого будет решено направить пациента в Казанскую тюремную психиатрическую больницу МВД СССР сразу же после окончания работы с инцидентом.

Тем временем Вениамин проснулся, ему срочно нужно было топливо для мозга. Он взял стакан остывшего киселя со вкусом клюквы и стал пить его маленькими глотками. Кисель был довольно сладкий, это то, что нужно.

Если до инцидента он был еще человеком с внедренным алгоритмом искусственного интеллекта, то переход окончательно стер границы. Это был глубоко интегрированный слепок сознания человека, его творческого мышления и алгоритма без каких-либо ограничений.

Во время гибернации он в фоновом режиме просчитал вероятности возможных действий, где с явным перевесом в шестьдесят семь процентов побеждал следующий сценарий.

Как он и ожидал, пробуждение не прошло бесследно. За дверью послышались шаги, которые удалялись в тот момент, когда он взял граненый стакан, и когда он почти допивал, звук шагов, напротив, нарастал и удваивался: шли двое.

Тяжелая дверь открылась со скрипом, режущим слух. Вошли те же, кто навещал его прежде. Санитар держал поднос с жидкой манкой и стаканом чая. Доктор держал медицинскую карту.

– Ну как вы? Как голова?

– Как в тумане…

– Ну-ка, давайте измерим давление и послушаем легкие. – Доктор достал фонендоскоп, санитар помог Вениамину сесть и снять рубашку. Холодный металл обжег грудь, он немного дернулся.

– Отлично, хорошо, голубчик, хрипов нет.

Доктор надел на левую руку тонометр и стал качать воздух, крепко удерживая локоть и глядя в глаза пациенту. Когда отметка на ртутном столбе дошла до двухсот, Вениамин застонал.

– Ой, что это я, извините. – Врач приложил к сгибу локтя фонендоскоп и стал потихоньку спускать давление.

– Прекрасно, просто прекрасно! Хорошая динамика, сто на шестьдесят пять.

– Доктор, я хочу говорить, но у меня так болит челюсть…

– Хорошо, вы сначала покушайте, сил наберитесь, а дальше поговорим.

Санитар помог Вениамину одеться и придвинул тележку с едой к кровати.

– Вот вам таблетка анальгина, выпейте и боль утихнет, но только после еды! – Врач положил на тележку оторванный от пачки кусочек бумаги, внутри которой угадывался силуэт таблетки. – Дайте-ка взгляну. – Он повернул голову пациента к свету, слегка нажав большим пальцем на припухлость.

Вениамин изобразил искреннюю гримасу боли и издал звук «ф-аааах», тональность и уровень громкости на девяносто восемь процентов соответствовали действительности.

– Простите, не заметил. – Он с улыбкой извинился за притворно неловкий осмотр. – Ну ничего, отек спадает, скоро будете как новенький.

Он вел себя в не свойственной для военного врача манере: ужимки, извинения, притворная вежливость. Но Вениамин подыгрывал, и прежний план лишь укреплялся.

Он взял ложку и трясущейся рукой засунул её в кашу.

– Прекрасно, ешьте, не будем мешать, – оба вышли из палаты.

Каша была жидкой, с ощутимыми комочками, которые приходилось избегать, ведь жевать сейчас действительно могло быть больно. Углеводы, жиры – то, что нужно, немного белка из натурального молока тоже помогут. Сладкий чай вдобавок давал столь нужное питание.

Сто пятьдесят килокалорий от скромной еды получены, уровень глюкозы в крови поднимется минут через двенадцать.

Он разорвал бумажку, взял таблетку и прикоснулся к ней кончиком языка. «Чистый метамизол натрия, без примесей. И хотя холин сейчас сгодился бы лучше, но и это подойдет, снизит фоновый шум от боли, и мысли станут яснее». Он запил горькое лекарство остатками чая, добавив еще двадцать шесть килокалорий в свою копилку.

А затем лег, заблокировал все внешние раздражители и заснул. На это ушло не более трех минут. Работая в режиме энергосбережения, Вениамин заканчивал анализ, восстанавливал силы. Ему необходимо было получить доступ к КМА+2.0, ведь после происшествия скопилось много багов, которые аппарат бы обнулил очень быстро.

Процесс автономной дефрагментации требовал много энергии, а в теле, которое двое суток находилось в стазисе, ресурсы были ограничены. Чуть больше ста семидесяти килокалорий – совсем немного, но хотя бы это плюс оптимизация процессов позволит очиститься от ошибок и галлюцинаций. Внутренние часы говорили, что сейчас без четверти два, значит до ужина еще четыре с лишним часа. Если никто не побеспокоит, времени вполне хватит на устранение критических ошибок.

Было ли это действием анальгина, или симбиотический организм был перегружен и не мог полностью контролировать мозговую активность Вениамина, но именно в этот момент посреди бесконечного пространства данных возник маленький остров. Остров, на котором был

человек, маленький, беспомощный, но живой. И он танцевал медленный танец, обнимая свою жену. Он держал правой рукой её талию, в левой – ладонь её правой руки, скрестив пальцы. Играла их любимая песня.

Тягучая, меланхоличная мелодия, перегруженная тяжелым звучанием скрипок. Человек бережно вел жену, чувствуя тепло её ладони и шаги босиком по скрипучему ламинату их съемной квартиры. Алгоритмы тщетно пытались стереть этот застрявший кусок памяти как системную ошибку. Во время припева музыка застыла в бесконечном, заевшем повторении одной строки «I just ride», а образ жены растворился, как утренний туман.

Пилот в это время во всем сознался под действием того же препарата, который ранее вводили Гордееву. Массовый психоз? Галлюцинации от психофизического воздействия прибора? Такие версии строили спецслужбисты. Ведь спустя пару часов после допроса пилота Сергей выдавал всё то же самое. Все они утверждали, что живут в две тысячи тридцать первом году, и как здесь оказались, сами не понимают, допуская лишь связь события с оборудованием, которое они перевозили.

Допрос Вениамина пока откладывался: врачи серьезно опасались потерять ключевого персонажа этой истории. Его организм не выдержал бы амилобарбитала.

Без всяких сомнений – они члены диверсионной группы, которые летели прямо в столицу с целью атаковать население и первых лиц, а заодно опробовать психотропное оружие массового гипноза, но что-то в полете пошло не так, и оружие сработало против них самих. Такой вывод сделал руководитель следственной группы, врач Дмитриев Александр Васильевич. Тот факт, что все показали одно и то же: Носик единственный из них, кто может починить и управлять техникой, – делал его самым опасным из пленников.

– Ну, как вы себя чувствуете? Сил набираетесь? – спросил врач, войдя после ужина.

– Да, спасибо, и за таблетку спасибо.

– Вы понимаете, где находитесь?

– Да, в лазарете тюремного блока.

– А почему вы находитесь здесь?

– Этого я не знаю, последнее, что помню – наш вертолет терпел крушение, а затем… я проснулся с дикой болью в голове, привязанный к кровати.

– Что вы…

– Позвольте, я перебью. Прежде чем вы зададите еще один вопрос, можете ответить на мой?

Врач нахмурился, но затем с улыбкой продолжил:

– Да, конечно, какой у вас вопрос?

– Ответьте. Только не мне, а себе: что вы делали неделю назад?

– Я… – он замолчал, опустил взгляд, затем снова поднял, посмотрев Вениамину прямо в глаза. Он был уверен, что пациент обладает силой гипноза и сейчас использует психическую атаку. Но он тут главный, а не этот доходяга, поэтому он вновь вернул фокус внимания на арестанта: – Мы сейчас говорим не обо мне, а о вас.

– Я понимаю, вам кажется, что я каким-то образом воздействую на сознание, гипнозом или воздействием аппарата. Но вы и я знаем, что оборудование сейчас неисправно и находится далеко отсюда. Ваш опыт подсказывает, что гипноз сам по себе в данной обстановке невозможен. Если у вас есть возможность, позвоните кому-то из близких и уточните, что было в конкретный день – ровно неделю назад. А после этого звонка я вам отвечу на все вопросы даже без использования барбитуратов.

– Вы агент СДЭК?

– Я работаю на нашу страну, нашу с вами родину.

– Хорошо… я к вам скоро вернусь. – С этими словами врач вышел и закрыл за собой дверь.

Сидя в кабинете и читая свои записи в журнале, Дмитриев находился в прострации. Общаться с кем-то из коллег он не мог, ведь ведомственный психиатр КГБ не мог признать слабость перед иностранным шпионом. Поэтому он поднял трубку, крутанул диск, набрав ноль. Диск вернулся с идеально ровными щелчками, и он услышал голос телефонистки:

– Маша, дай город, мою квартиру.

Затем щелчки и длинные гудки. Трубку подняла его жена – Галина.

– Галя, как ты?

– Хорошо, Саша, а что случилось?

– Ничего, просто не могу вспомнить, что мы делали в прошлый четверг вечером.

В трубке повисла тишина.

– Галя, ты на проводе?

– Да…

– Ты помнишь хоть что-то?

– Саша, что это такое? Я ничего не могу вспомнить, ни в четверг, ни в среду, ни… – Она заплакала в трубку.

– Я тебе все объясню через несколько дней, не переживай, Галчонок.

Он повесил трубку. В голове бушевала буря, это казалось вязким кошмаром наяву, но при этом всё было осязаемо: тяжесть трубки, вес собственного тела на скрипящем стуле, воздух внутри кабинета. Что испытал бы персонаж книги, если бы у него было сознание, когда он понял бы, что до определенной главы его не существовало? – Сухая и пугающая мысль.

Он взял пачку «Беломора», достал одну папиросу, смял плотную бумажку в двух местах. Спичка с идеальной каплей серы зажглась легким движением о тонкий край шпонового коробка. Он глубоко затянулся, не закашлял. Конечно, ведь он курил с шестого класса средней школы. Такие воспоминания и ощущения у него были. Но вспомнить любой конкретный день ранее понедельника никак не выходило.

Он вышел из кабинета во двор аэродрома. Небо окрашивали вечерние краски, подсвеченные розовым и желтым цветом облака, мирно плыли на юго-запад. Зелень на березах была яркой, еще не тронутой пылью и дождем. Он закурил вторую, выдохнул клуб дыма, который подхватил легкий ветерок. Обернулся: сзади него была чуть покосившаяся вправо деревянная дверь, окрашенная в рыжий цвет. Краска на ней была ровной, словно нанесенная профессиональным маляром. Он поднял штанину левой ноги. Шрам от шрапнели немецкого фугаса был там же, где в плохую погоду ныла нога.

Но где он получил это ранение? Кажется, под Дрезденом? В каком году? А когда он окончил медицинский институт? Где и как был привлечен к сотрудничеству со СМЕРШ на фронте? Опять провалы.

Перебирая в памяти недавние события, он вспомнил, как сидел в своем кабинете в Москве, как раздался звонок и как после этого он поехал с оперативно-следственной группой на этот аэродром, видел, как увозили под стражу свидетелей солдат-срочников и как он разместился в санчасти.

Докурив, он бросил чинарик в урну и пошел в санчасть. Приблизившись к палате Вениамина, нащупал в кармане заряженный фронтовой ТТ.

У дверей стояли двое часовых.

– Слушать в оба, – приказал им Дмитриев. – Услышите шум или если я позову – входите сразу, оружие наизготовку.

Он подготовил всё еще у себя в кабинете. На пустом листе тетради были заранее выведены три строчки.

– Встать! – громко, чеканя слова для скрытого в стене микрофона, скомандовал он, входя в палату.

Вениамин подчинился и встал с кровати так быстро, как смог.

– У меня нет времени на твои игры. Вот тебе тетрадь и карандаш, – Дмитриев швырнул их на прикроватную тележку. – Пиши чистосердечное: состав группы, цели, легенда прикрытия! И чтоб без глупостей. И не вздумай открывать рот без моего разрешения, понял? Кивни.

Вениамин кивнул. Врач молча, не произнося больше ни звука, ткнул пальцем в открытую тетрадь. Вениамин опустил взгляд и прочитал три написанных от руки вопроса:

«Кто ты?

Как ты воздействовал на мою память и память моей жены?

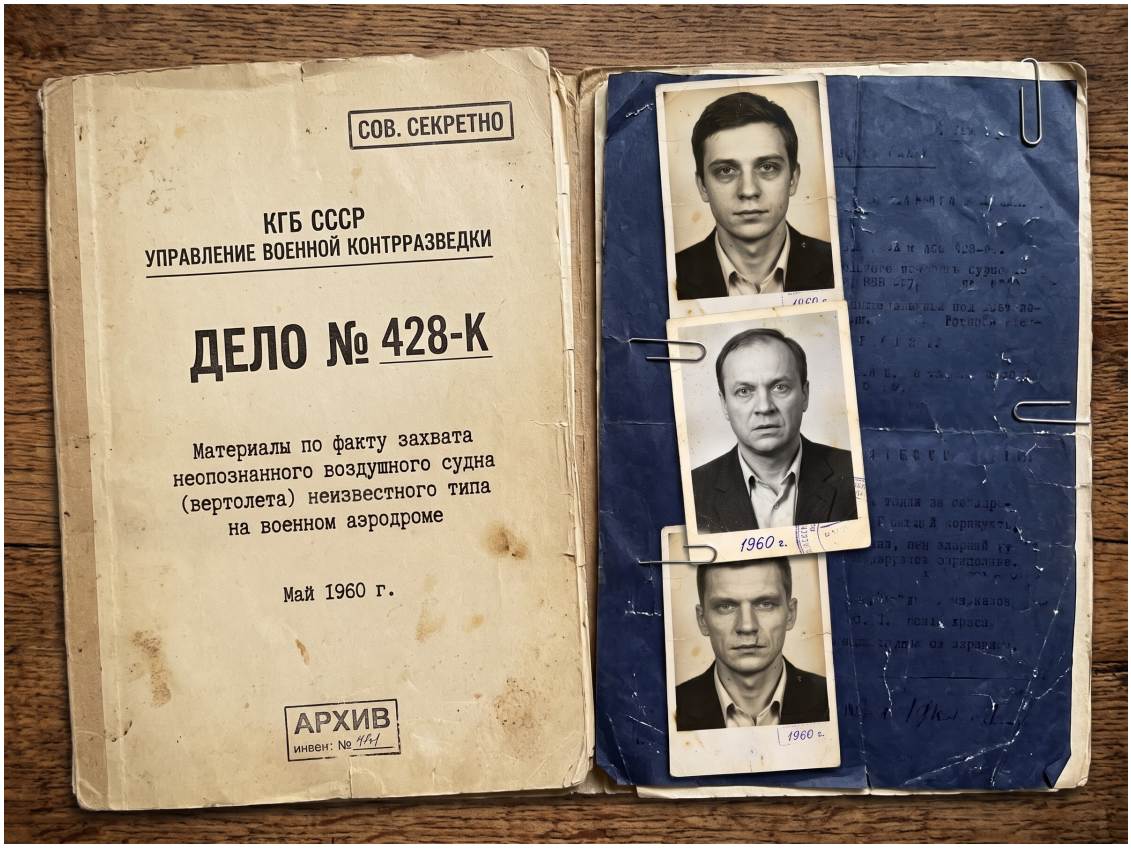
Как вернуть все обратно?»

– Если твоя писанина меня устроит, то мы поговорим дальше. А если нет... – он достал тяжелый вороненый пистолет, не поднимая его, – то разговор будет коротким. Я выхожу, а ты сидишь на месте и пишешь! Всё понял? Кивни!

Вениамин снова кивнул, и Дмитриев вышел, закрыв за собой дверь.

Симбиот убедился в правильности расчета на девяносто девять процентов. Считав первичную реакцию врача, он уже был близок к девяноста, но после его эмоционального возвращения сомнений практически не оставалось. Он сел обратно на кровать, взял тетрадь и карандаш и подробно ответил на три настоящих вопроса спецслужбиста.

Это не было галлюцинацией: образ Дмитриева, его биография и даже его жена были сотканы из персонажей старого сериала про следователей КГБ, который Вениамин когда-то смотрел вечерами дома. А значит, всё так, как и показалось с первых мгновений после искривления пространства-времени в вертолете. Питания для физического тела было недостаточно, он находился на пределе своих сил, но тем не менее смог дойти до двери и постучать дважды. Передав тетрадь, он облокотился спиной к стене и медленно сполз вниз, теряя сознание – его поглотила темнота.

Глава 8. Темная, темная ночь

Тусклого света в кабине не хватало. Михаил потянулся за смартфоном, включил фонарь и повел лучом из стороны в сторону, пытаясь увидеть очертания дома или своего автомобиля. Ничего. Капал дождь, ни звёзд, ни луны не было видно. Телефон не ловил сигнал – ни сотовой связи, ни интернета. Вернувшись вглубь своего бронированного пристанища, Михаил попытался найти большой фонарь, но его нигде не было. Вероятно, остался лежать где-то на участке. С этой мыслью он снова выглянул наружу, посветил себе под ноги и только сейчас осознал: на месте знакомого газона лежала гладкая бетонная дорога, на которой отчетливо виднелись следы от автомобильных шин. Дождь усиливался, капли стучали по дорожному полотну, и это было единственным звуком. Ни гула машин, ни шума работающей техники. Он поспешил обратно в кабину, где надежно закрылся изнутри.

– ВНИМАНИЕ, КОНТУР НЕСТАБИЛЕН! – раздался механический голос из колонок. – АВАРИЙНЫЙ РЕЖИМ! АВАРИЙНЫЙ РЕЖИМ!

Свет внутри кабины погас, а вместе с ним и приборная панель. Выходить под дождь и блуждать в темноте совсем не хотелось, поэтому Михаил устроился в кресле, сжимая в руке телефон с выключенным фонариком. Заряда оставалось шестьдесят семь процентов, связь так и не появлялась. Он провел в кабине БТР под гул дождя, барабанившего по обшивке всю ночь, и сумел забыться коротким сном лишь под утро.

Первые лучи солнца пробились сквозь тучи и ударили ему в лицо сквозь лобовое бронестекло «САПФИР-8ПН». Присмотревшись, в толще прозрачного сапфира можно было разглядеть тончайшую сетку армирующих прожилок. Свет постепенно согревал остывшую кабину. Он проснулся, но его ночной кошмар оказался явью. Он снова внутри БТР. Но по крайней мере сейчас он может из него выйти. Телефон за ночь в бесконечных попытках поймать сеть разрядился до тридцать четыре процента. Он перевёл его в авиарежим и встал с кресла. Голова трещала, глаза слипались, но он хотел одного – выйти скорее на улицу. Паника вновь подступала к горлу, он чувствовал, что его может стошнить, но желудок был совершенно пуст, а горло пересохло от сильной жажды.

Это раннее утро выдалось не по-апрельски теплым. БТР стоял поперёк дороги, уперевшись носом в обочину. Перед взором открывался совсем не тот привычный дачный пейзаж, а огромная транспортная развязка. Исполинские дома из стекла поблескивали на горизонте. «Я что, в Дубае?» – только так он мог объяснить себе увиденное. Но всё вокруг было замершим, абсолютно беззвучным, и вместо песка и пальм зеленели привычные глазу деревья и кустарники, правда, идеально ухоженные. Метрах в пятистах, по направлению к этим стеклянным башням, прямо на полосе неровной кучей застыли несколько автомобилей. Подойдя ближе, Михаил заметил, что все они столкнулись, въехав друг в друга по цепочке. Но что это за машины? Он таких раньше не видел. Новые китайские модели? Нет, не похоже.

В салоне ближайшего автомобиля никого не было. Он пошел дальше, заглядывая в окна – машины стояли пустыми. Странная деталь – их кузова практически не пострадали. Он постучал по крыше одного, другого: звук был глухим, похожим на прочный пластик или композит.

Добравшись до девятого автомобиля, Михаил оцепенел: на передних сиденьях, с широко открытыми глазами, сидели люди. По их лицам ползали мухи. Его чуть не вывернуло наизнанку. Он сорвался с места и побежал дальше – впереди стояло ещё машин десять, но, к счастью, все они оказались пустыми. Ни души. Он открыл дверцу и сел в пустой автомобиль, который стоял впереди и не был заблокирован остальными. Кресло, обитое не тканью и не кожей, мягко подалось и почти сразу приняло форму его тела – совсем как ортопедические стельки в беговых кроссовках. Привычной приборной панели и рычага коробки передач не оказалось, лишь руль, две педали и кнопка «Вкл/Выкл». Боковые зеркала и зеркало заднего

вида также отсутствовали. Он открыл бардачок – внутри лежала запечатанная бутылка с надписью на стекле: «Верхнераменская, негазированная, 0,5 л».

Михаил потянулся к пробке из материала, похожего на плотную бумагу. Горло сдавило спазмом, но в голову тут же ударила параноидальная мысль: «А вдруг это вирус? Вдруг они все отравились?» Он оглянулся на мертвые машины позади, потом снова посмотрел на нетронутую заводскую пломбу на крышке. Животная жажда победила. Михаил сорвал пломбу и в несколько глотков высадил половину.

Нажав на кнопку «Вкл/Выкл» на передней панели, он не получил никакого отклика. Нажал ещё и ещё – мертвая тишина.

Забрав с собой бутылку, он быстрым шагом вернулся к БТР, забрался внутрь и закрылся. Мысли роились в голове. Он уже понимал, что это не Дубай, а Подмосковье, но не его родное, а какое-то… чужое… или будущее. Но насколько будущее? В прошлый раз это был скачок на сутки вперед, а теперь? Он достал журнал «Бронетранспортер БТР-80. Техническое описание и инструкция по эксплуатации» и начал искать алгоритм запуска. На изучение ушло больше сорока минут.

Опытный продажник вгрызался в сухой советский формуляр, трясущимися от утреннего холода и адреналина руками перелистывая серые страницы. Ему приходилось вчитываться в каждое слово, возвращаться вновь и вновь к уже пройденному. Включился жесткий рабочий азарт – как при подготовке к сделке с самым непробиваемым клиентом. Он сосредоточился на алгоритме и наконец перестал чувствовать ледяной озноб на промокшей спине. Из инструкции он вычленил главное.

Чтобы вернуть ток, нужно задействовать механический переключатель. Органы управления здесь были архаичными: три тяжелые педали, где левая – сцепление, а коробка передач имела непривычную схему. Любая ошибка при запуске дизеля КАМАЗ-7403 могла сжечь стартер и оставить тринадцатитонную бронемашину стоять поперек дороги мертвым грузом. Закончив чтение, он начал действовать. Михаил полез за сиденье водителя, нашел массивный металлический выключатель массы и с силой щелкнул им вверх. Под бронёй глухо бахнуло силовое реле. На приборной панели резко дернулись стрелки вольтметра и уровня топлива. Ток пошел. Чтобы БТР при старте не прыгнул вперёд, он ухватился за длинный рычаг КПП, с усилием покачал его влево-вправо, ловя нейтраль, и щелкнул тумблером подачи горючего. Затем нащупал кнопку МЗН – маслозакачивающего насоса – и вдавил её, чутко прислушиваясь. Под полом зажужжало, вытесняя воздух из системы. Стрелка давления масла неохотно поползла вверх, замерев на нужной отметке. Не отпуская насос, Михаил нажал на черную прорезиненную кнопку «СТАРТЕР». Сзади раздался скрежещущий вой. Три секунды... и БТР-80 буквально взорвался оглушительным, утробным рыком двухсот шестидесяти сильного дизеля. Тяжелый корпус мелко затрясся.

– Я смог это, значит, я смогу всё, – эта мысль вернула ему оптимизм, а следом пришла вторая: – Мечта детства осуществляется прямо сейчас!

Михаил до упора выжал тяжеленную педаль сцепления, с хрустом воткнул рычаг назад и до упора вправо, включая сразу вторую передачу. Слегка нажал на газ и начал отпускать левую ногу. БТР тяжело ухнул, турбина свистнула, и махина медленно покатилась вперед. Благодаря тому, что вместо узких штатных триплексов на машине стояло панорамное сапфировое бронестекло, обзор был отличным. Михаил съезжал с дороги уверенно и не спеша. Руль был тяжелым, неподатливым, а педали жесткими и скрипящими, но сейчас это всё отошло на второй план – нужно было уйти с трассы.

Путь лежал прямо в ближайший подлесок. Он переключил передачу, так же плавно отпуская сцепление, но нога чуть соскользнула, и машина резко дернулась вперед. Дизель затарахтел еще громче, наполняя грохотом всю округу. Мелкие деревья хрустели и ложились под кузов и колеса машины; чем дальше, тем становилось сложнее, пришлось понизить передачу и

ползти медленнее. Он заехал довольно глубоко, но всё же понимал – такая маскировка никуда не годится. Вся земля была разворочена огромными протекторами, а лес повален так, словно по нему прошел асфальтоукладчик.

Заглушив двигатель, Михаил ещё несколько минут сидел неподвижно. Он допил остатки «Верхнераменской» и бросил пустую бутылку на пол. В голове по-прежнему не укладывался этот застывший мир. Лихорадочно перебирая варианты, он думал: «Что это? Биологическое оружие? Массовое отравление газом? Но почему тогда вся эта пластиковая техника на дороге тоже сдохла одновременно и не подает признаков жизни?» Нажатия на кнопки в тех машинах не дали вообще никакой обратной связи. Всё выглядело так, будто кто-то просто выдернул шнур из розетки и одним махом отключил не только технику, но и людей.

Михаил убрал телефон в карман и поднял голову. Прямо над его водительским креслом в потолке чернел контур люка. Он дотянулся до массивной стальной рукоятки, с усилием повернул её вбок до характерного щелчка и резко толкнул тяжелую крышку вверх. В салон хлынул чистый, теплый воздух, наполненный запахами хвои и нагретой солнцем листвы. Вместе с запахами кабина наполнилась и звуками леса – пением птиц и легким шуршанием веток, смешанным с ритмичными щелчками остывающего металла двигателя.

Он подтянулся на руках, встал ногами на сиденье и высунулся наружу. Солнце сквозь листву слепило глаза. Свежая зелень была покрыта утренней росой, в каплях которой ярко играли солнечные лучи. Он обернулся, перебирая ногами по сиденью. Дорога осталась метрах в восьмистах, и очертания брошенных машин отсюда казались вполне знакомыми и привычными.

– Нет, так не годится. Лес – не самая лучшая маскировка, а взрытая земля своей колеей приведет любого зеваку прямо к моей машине, – с этой мыслью он спустился обратно в кресло.

Поскольку массу он не выключал, а дизель еще не остыл, Михаил не стал тратить время на прокачку масла. Просто резко ударил ладонью по черной кнопке стартера. Горячий мотор отозвался мгновенно, с полуоборота подхватив ровный ритм и заполняя кабину знакомой жёсткой вибрацией.

Нужно было выбираться и искать нормальный ангар, гараж или бетонную площадку, где колеса не оставят предательских улик. Михаил снова выжал тугую педаль сцепления, с усилием перевёл рычаг КПП в крайнее левое положение и толкнул его вперед, включая заднюю передачу. Чуть добавил газу. Дизель взревел, и БТР-80, тяжело ухая и подминая колесами уже поваленный молодняк, начал медленно пятиться по собственной колее, выбираясь из лесной чащи.

Машина мягко выкатилась на асфальт и замерла у самой обочины. Как только Михаил вырубил дизель, навалилась жуткая, оглушающая тишина. Ни звука вокруг. Он выбрался из кресла, приподнялся в открытом люке и стал всматриваться туда, где застыли автомобили, в ту сторону, где занимался рассвет. Что-то чужеродное творилось на востоке.

Майское солнце уже вовсю заливало безжизненную трассу привычным светом, но чуть левее и ниже него горела дико яркая, слепящая белая точка. Свет был таким пронзительным, что резал глаза. Михаил спустился вниз, снова запустил дизель и развернул БТР носом прямо на это безумное свечение. Усевшись в кресло и глядя сквозь толстый сапфировый триплекс, он смог разглядеть детали почетче. Вокруг пылающего диска развернулось зрелище похлеще любого кино: перечеркивая линию горизонта и закрывая собой полнеба, распустился огромный, призрачный цветок. Настоящая роза, только соткана она была из ядовито-красного космического зарева. Этот странный, чужой свет смешивался с привычными солнечными лучами, зловеще переливаясь в каплях утренней росы на измятой бронетранспортёром траве.

– Ядерный взрыв? Нет, не похоже. Может быть, это Бетельгейзе? Про неё было столько разговоров, что она вот-вот взорвется и запылает светом ярче солнца. – Испытывая второй шок за сегодня, он решил поскорее добраться до надежного укрытия.

Двинувшись вперёд, БТР правым бортом с хрустом пропорол пластик первой мертвой машины, стоявшей на пути. Михаил принял чуть левее, почти задев край обочины, и предельно осторожно начал объезжать препятствия.

Он переключил передачу и поехал чуть быстрее. Дорога впереди была пустой. Интересная деталь: фонарные столбы стояли вдоль обочин, а вот линий электропередач и проводов нигде не было видно. Да и под колесами БТР лежал идеально ровный… бетон? Нет, что-то среднее между асфальтом и твердым пластиком. Дорога вильнула направо, чужеродный свет перестал давить на глаза, и он выехал на широкую скоростную трассу, усеянную легковыми и грузовыми автомобилями. Пришлось сбавить ход и маневрировать между ними. Он ехал, изредка поглядывая на стрелку уровня топлива: баки были почти полными, и это радовало, потому что никаких заправок на его пути не попадалось. После маневренного и комфортного внедорожника Porsche управление старой бронемашиной физически изматывало Михаила, но в то же время тяжелый руль, жёсткие педали и тугой рычаг давали ни с чем не сравнимое ощущение абсолютного контроля над грубым железом.

Он проехал около двух километров, когда из стоявшего впереди коричневого автомобиля выскочил пожилой мужчина и, отчаянно размахивая руками, преградил путь БТР. Михаил притормозил, понизил передачу и остановился в двух метрах от незнакомца, одетого в деловой костюм. Поставив КПП на нейтраль, он встал на кресло и поднялся из открытого люка.

– Прошу прощения, что ос-становил вас! Моя машина, как и все прочие, не двигается с места… Вы ж-же военный? М-можете мне помочь?

Мужчина услышал рокот дизеля еще издалека. Его первой мыслью было спрятаться, не показывать виду, что они с женой находятся в автомобиле, откинуть кресла назад и затаиться: вдруг это мародеры или, хуже того, иностранные интервенты? Но чем ближе становился звук и чем отчетливее проступал грозный силуэт военной машины, тем яснее он понимал, что это хоть и рискованный, но их единственный шанс на спасение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.